

К. Д. КАВЕЛИН

Мысли и заметки о русской истории

<фрагмент>

III

Внутренний быт России в том виде, как он сложился в XVII веке, представлял округленное и законченное целое. Московское государство было азиатской монархией в полном смысле слова. Односложная формация осуждала его на совершенную неподвижность, впредь до покорения другим народом, или до внутреннего распада вследствие собственной дряхлости. Остановись мы на этой точке и не иди далее — трудно было бы сказать, что выиграла Великороссия перед Западной Россией и прочими славянами, покоренными чужеземным игом или принявшими исподволь нравы и язык других народов, более образованных. Самостоятельность на манер персидской или китайской едва ли чем лучше несамостоятельного участия в жизни других народов, которые играют роль во всемирной истории и общем ходе культуры.

Но к концу XVII века замечается в Московском царстве брожение, какого в нем прежде не бывало. Прежние смуты были вызваны столкновением внутри государства туземных элементов с чуждыми, внесенными извне в его состав. Волнения и неурядицы, предшествовавшие Петру Великому, были совсем другого рода. Они свидетельствовали о расслаблении связей, которыми до тех пор крепко держалось все общество. Появляется хаос в головах и действительности. Никто не знает, как приняться за исправление неурядиц, которые все усиливаются и вырождаются в бунты, грозящих опасностью даже целости и единству государственной власти. Видимо, внутренние, органические причины колеблют государство. И вот посреди этой неурядицы является Петр, с необыкновенной энергией и жестоко-

стью подавляет смуты, преобразует внешним образом все формы быта и придает стране наружный вид европейской монархии того времени.

Если б остановилась со смертью Петра Великого, то не могло бы оставаться сомнения в том, что Московское государство принадлежит к азиатской, а не европейской группе. Мало ли было брожений и великих государей на Востоке! Единичные явления сами по себе ничего не значат и подтверждают, а не опровергают общее правило. Внешний характер петровского преобразования служил бы в таком случае новым доказательством, что мы азиатский народ. Но в том-то и сила, что дело Петра не умерло после него на русской почве; напротив того, оно, несмотря на крайне неблагоприятные обстоятельства, пустило корни и продолжалось почти полтора века, вплоть до нашего времени. Вместо того, чтоб ослабить Россию, реформа вызвала к деятельности дремавшие в ней огромные силы и развила их в невиданных размерах. Вот почему нельзя не признать реформы Петра органическим явлением великорусской жизни, — явлением, которое по своей своеобразности и необычайности требует самого внимательного рассмотрения. Зная судьбы преобразования в России, мы не вправе говорить свысока, с пренебрежением о полувосточном характере брожения, которое предшествовало эпохе Петра, о крутом, насильственном, внешнем характере его реформы: все это имеет свое значение и свой определенный смысл, есть характеристика приготовления обстановки событий, которым нет подобных в истории.

Спрашивается: какие внутренние, органические причины вызвали переворот? Чтоб правильно разрешить этот вопрос, постараемся уяснить себе, чем собственно отличаются направление и характер нашей внутренней жизни до Петра и после Петра? Что представляет она в этом отношении нового в последние полтора века, сравнительно с тем, что было до реформы?

Перемена, если в нее вдуматься хорошенько, поразительна. Наша жизнь усложнилась новым фактором; в нее внесен европейский идеал, во имя которого меньшинство русских людей стало расходиться с окружающей действительностью, относиться к ней отрицательно, иногда враждебно, и во всяком случае критически и свободно. Каков бы ни был этот идеал, но он представляет новую силу, введенную в нашу жизнь со времени Петра Великого. С тех пор в ней выступает на первый план личная инициатива, индивидуальность выдается вперед из народной массы, в которой она ступшеывалась. Древняя русская история, по своей простоте и правильному развитию, принадлежит как

бы к области естественной истории. Мысль не забегает вперед событий; ее вызывает необходимый ход вещей; человек только следует за ним, отражает его на себе, становится его орудием. Поэтому нет и разлада между действительностью и мыслью, нет внутренних противоречий в человеке и обществе: все однообразно, односложно и просто. Подумаешь, что не люди делают историю, а она делается сама собою, без всякого участия человека, по своим органическим, внутренним, непреложным законам; человека как будто нет вовсе, а действуют одни элементы и силы природы, движимые собственным естеством.

Все это изменилось с преобразованием Петра. Точно в жизнь вошел новый деятель, призванный всюду и во всем произвести разлад. В русском народе, односложном по своему составу, по складу жизни, по единству социального типа, выделяется целая среда, — образованный класс, — которая живет чужой жизнью, принимает чужие нравы, меняет свой язык на чужой, прилепляется к идеалам, взглядам, требованиям, выработанным чужой жизнью. В древней России человек, отрешившийся от своего быта, бежал из него вон, на простор; никакого определенного образа гражданского и государственного существования он не умел и не мог противопоставить тому быту, который отрицал, и потому менял его на леса и степи, где не было никакого устроенного человеческого общества. Теперь среда, выделившаяся из народа, остается посреди его, отрицает установившийся народный быт не во имя какой-то безграничной, не существующей нигде свободы и разгула, а во имя идеала другого, высшего, лучшего быта и стремится водворить его в народной жизни, переделать ее по этому идеалу, пересоздать согласно с ним обычаи и нравы. Если б такая среда была внесена в русскую жизнь откуда-нибудь извне, представляла чуждый нам этнографический и исторический элемент, то у нее был бы один такой идеал; но преобразующая среда возникла у нас, между нами, и нами же пополнялась; русская голова и русская душа приняла чужие идеалы, во имя которых переделывается наш внутренний строй, и потому было множество различных идеалов, смотря по времени, по обстоятельствам, обстановке и тысяче случайным условиям действовавших лиц. Отсюда разлад во всем. Быт перестраивался не всегда согласно с его внутренними требованиями, идеал осуществлялся не всегда отвечая условиям действительности. Естественный, нормальный ход жизни был нарушен: мысль то опережала ее, то от нее отставала; действительные потребности то оставлялись без внимания, потому что не подходили под идеал, то удовлетворялись не так, как следовало, потому что на них

смотрели не прямо, а сквозь предвзятую мысль. Появилось множество неестественных сочетаний, причудливых комбинаций в мысли и в самых фактах; создалась искусственная жизнь, искусственная действительность, которая, в свою очередь, вызывала искусственную мысль. Мало-помалу призраки перемешались с действительностью, иллюзии — с трезвой мыслью. Возник, посреди действительной жизни, целый мир фантазий и миражей, и различить их между собою не было сил. Смесь их опутывала человека и не выпускала из своего заколдованного круга. Заманчивая и обстоятельная ткань, в которой ложь вплеталась в правду, истина в вымысел, ослепляла умственное зрение, лишала его даже способности замечать между ними разницу.

Теперь эта удивительная эпоха, похожая на арабскую сказку, подходит к концу. На это указывают несомненные признаки. Пристрастие к иностранному и чужому видимо сменяется в образованных слоях нашего общества охлаждением к Европе, даже не всегда справедливым предубеждением против европейского; национальное чувство растет быстро; идеалы и идеальное направление в решительном пренебрежении, даже больше, чем бы следовало; мысль становится трезвее, получает практический склад, обращается к практическим интересам; стараются, как бы нарочно, окоротить ее полет и держаться исключительно в кругу ближайших, фактических условий действительности: в этом тоже заметна своего рода крайность, суживающая горизонт зрения. Такая перемена в направлении запечатлена духом реакции против прежнего; но это обстоятельство именно и доказывает, что эпоха, начатая Петром Великим, уходит в прошедшее.

Что выражала оно собою? Возраст или степень развития, через которую проходит в той или другой форме каждый человек и каждый народ. В жизни человека это называется юностью; в жизни народов — героическим периодом. Главной движущей пружиной этого возраста является пробудившаяся умственная и нравственная деятельность, которая становится самостоятельным органом в судьбах человека и народа. На первых порах этот новый двигатель преисполнен сознанием своего всемогущества и неудержимо стремится подчинить себе все, даже самую природу и ее неизменные законы. Отсюда, в эту пору жизни, необыкновенное развитие сил, рвущихся проявиться наружу, упразднить действительность, как она есть, и переделать ее на другой лад, не соображаясь с тем, возможно ли это, допускают ли это законы природы. Ясное понимание свойства этой силы, ее призвания и назначения, ее пределов и отношений к действительному миру наступает позднее, и тогда она вступает в гармониче-

ское сочетание с действительностью, которой не может победить, — из разрушительного, отрицательного элемента становится зиждительным условием осмысленной и правильно развивающейся жизни.

Наш героический век определился особенными обстоятельствами и условиями, в которых мы находились к концу XVII века. Если оно нам кажется не таким привлекательным, как бы мы того ожидали от героического возраста, то это не его вина, а наша: мы стоим к нему слишком близко, теряемся в деталях и упускаем из виду целое. Это ошибка зрения. Если б мы знали сухую, прозаическую истину о героическом периоде Греции, и притом с такой ужасающей подробностью, как знаем теперь даже Петра, — Бог знает, показался ли бы нам этот период таким поэтическим, каким мы его себе воображаем сквозь легенды и сказания, в которых он до нас дошел. Отступите подальше и взгляните в перспективе на Петра, на Екатерину II, на Александра I — разве это не фигуры героев и полубогов древности? С точки зрения науки и исторической истины такая близость к героическому периоду имеет свою очень выгодную сторону: по нашей истории мы можем проследить почти шаг за шагом, как приготавлился этот период, какие были его составные элементы, как он родился из недр старинной русской жизни. Формы его даны прошедшим и им объясняются, точно так же, как они, в свою очередь, бросают свет на предшествовавший период.

Мы сказали выше, что московское государство к концу XVII века находилось в ненормальном состоянии. Это отлично обрисовано профессором Соловьевым в первой главе тринадцатого тома его истории. Перед нами картина разложения, с одной стороны, а с другой — слышится громкий протест против внутренних нестроений, искание выхода из растущих замешательств. Скрытая, но главная причина болезненного состояния общества заключалась в том, что простые, первобытные формы, которыми определялся старинный великорусский быт, оказывались уже недостаточными для возникавшей более сложной общестственности. Начальная социальная ячейка, двор или дом, и развившиеся из нее крепостное право становились узки и тесны для сравнительно более зрелого государственного и гражданского быта. К московскому государству уже не шли формы вотчины и дедины, к московскому государю — формы домоначальника, отчича и дедича: это чувствовали уже Иван III и еще более Иван Грозный; точно также Ордин-Нащокин¹, Одоевский², Голицыны, Матвеев не походили на холопей, а Посошков, Исаев — на царских сирот. Страшные, вопиющие злоупотребления доказы-

вали недостаточность системы управления, основанной на крепостном праве. В обществе стала появляться потребность образования — признак, что духовная жизнь пробуждалась если не в целой массе народа, то в некоторой, лучшей ее части. Словом, все, на что ни взглянем, к чему ни обратимся, показывает, что общество и государство уже переросли старые формы; противоречие между ними и назревающим содержанием и было главной причиной внутренних неустройств и брожения.

Какой выход предстоял древней России из такого положения?

Мы не разделяем фаталистических взглядов на историю и вовсе не думаем, чтоб можно было, как говаривалось прежде на философском жаргоне, «конструировать» Петра Великого — доказывать, что он необходимо должен был явиться и не мог не явиться. Такого рода роковой необходимости мы не видим ни в судьбах отдельного лица, ни в судьбах народов. Есть в складе и развитии каждого организма известные основные черты и направления, которые с ним рождаются и сопровождают его до могилы: это типические свойства, которые могут быть исковерканы, обезображены, но не истреблены; они будут отзываться и в своем искаженном виде, в разных ненормальных явлениях. Есть, далее, известные состояния или положения, обуславливаемые известной степенью развития, известными обстоятельствами и обстановкою. Они — сложный продукт типических свойств, степени развития, наконец, внешних условий и случайностей, под влиянием которых организм живет. Такие положения сами по себе переходчивы и потому могут изменяться коренным образом, но не сразу, а постепенно, исподволь. Они-то и представляют ближайшую, непосредственную, живую среду внешней истории и внешних событий. Раз в ней возникают явления самого разнообразного свойства, органические и случайные, на нее действуют самые разнообразные внешние влияния, временные и постоянные. Глядя на причудливую и пеструю игру бесчисленных сочетаний, которые вследствие того появляются и исчезают в этой среде, как в калейдоскопе, мы не можем предсказать, какое именно обстоятельство, событие или случайность изменяет данное положение; но если глубоко его знаем и хорошо понимаем, то можем, не дожидаясь совершившихся фактов, заранее приблизительно определить, какие будут общее направление и характер предстоящих изменений, потому что оба указываются положением и средой, на которую события и случайности действуют. И так можно, не будучи пророком, предугадывать вообще склон, течение жизни; изучая историческую эпоху, можно

точно так же указывать на общие черты, определившие дальнейший ее ход; но никакой обыкновенный человеческий ум не в состоянии предсказать деятелей, обстоятельства и события. Когда историк пробует «конструировать» лица и обстоятельства, он только себя и других вводит в заблуждение, потому что история не есть раскрытие алгебраической формулы.

Попробуем применить эти мысли к нашей эпохе преобразования, а для того забудем на минуту, что был Петр Великий, и ограничимся одним тем, что знаем о московском государстве, и на основании только этих сведений попытаемся определить, каковы могли быть характер и направление предстоявшего ему выхода из того положения, в каком оно находилось в конце XVII века.

При разрешении этого вопроса нам естественно представляются вот какие соображения.

В обществах со сложным внутренним составом образуются слои, которые под влиянием вековой борьбы между собою смыкаются в корпорации, сословия и вырабатывают каждое свой идеал общности. Эти идеалы — взгляд корпорации или сословия на то, как должно быть устроено общество с точки зрения того сословия или той корпорации. Каждая усиливается оспорить у другой власть и влияние на ход государственных дел и провести свой идеал, свои взгляды. Таким образом, общество сложного состава вырабатывает идеал нового порядка дел из себя. Когда существующий порядок, построенный по идеалу одной корпорации, оказывается недостаточным и неудовлетворительным, на смену его, изнутри того же самого общества, является другой, выработанный другой корпорацией. В какой степени он удовлетворяет требованиям всех составных элементов общества и пользам целого государства — это другой вопрос; но довольно, что идеал уже готов и что он родился в самом обществе.

Возьмем теперь государство с однослойным составом, каким было московское. Литовско-польские элементы, внесенные в него, начиная с Ивана III, имели свой идеал и пытались водворить его у нас; но эти элементы истреблены, частью при Грозном, частью во время последующих смут; к концу XVII века они совсем исчезли. Затем, как и прежде, весь внутренний быт московского государства был в XVII веке сверху донизу, построен по одному типу или идеалу. Не из чего было образоваться корпорациям, сословиям с особыми стремлениями; ничего подобного и не было, а были разряды или «чины» царской службы, правда, отделенные друг от друга, но не имевшие внутренней замкнутости и организации; оттого не было между ними ника-

кой борьбы и они не имели своих корпоративных идеалов. Отсюда следует, что когда в таком обществе вековой исторический тип отживает свое время, ему нельзя заменить его другим идеалом, взятым из недр собственной жизни, а придется по необходимости искать его вне себя, у других народов.

Далее, потребность в идеале, взятом из чужой жизни, почувствуют сперва только те слои и стороны общества, которые, вследствие разных причин, важных или неважных, постоянных или мимолетных и случайных, практически натолкнутся на неудовлетворительность существующего и необходимость заменить его новым, чужим. Таким образом, потребность преобразования всего сильнее будет чувствоваться на первых порах меньшинством высших слоев общества и в правительственных сферах, которые более доступны влиянию чужих стран, ближе видят и лучше понимают практический ход государственных и административных дел, чем остальная масса народа. Итак, преобразование пойдет неизбежно сверху вниз, а не снизу вверх.

В обществе неразвитом, без культуры, с одними природными наклонностями и инстинктами и внешней дисциплиной чужой идеал будет представляться со стороны внешних его форм и обстановки, да и вводиться он будет внешним образом. Чем меньше развития и культуры в народе, тем он полнее, безотчетнее подчинится влиянию чужого идеала, примет его за образец себе и во всем.

Когда раз чужой идеал будет внесен в жизнь народа, в ней произойдет внутренний разлад: явится партия нововводителей и партия приверженцев старого порядка. Иностраный образец послужит такой же закваской для внутреннего развития односложного общества, какою у других народов служит присутствие в их составе нескольких разнородных элементов. Около борьбы между защитниками нового и старого сгруппируются умственные силы страны; эта борьба делается центром и двигателем духовного развития; обе стороны должны будут все подробнее, глубже и точнее определять свои взгляды и программы, выяснять свои идеалы. Чем дальше, тем эта борьба будет становиться шире, обнимать больший круг интересов, распространится на все стороны жизни. Внутренняя борьба поведет к более точному определению и усилению государственного единства и центральной власти.

Чужой идеал мы могли взять в конце XVII века только из Западной Европы. Это указывалось и внутренними признаками, и внешними обстоятельствами. Уже с Ивана III правительство стало обращаться к Европе за художниками, медиками, войс-

ком, мастерами всякого рода. Некоторые заезжие европейцы попали в большое доверие к царю Ивану Васильевичу. Число европейских выходцев к нам все увеличивалось, и при Алексее Михайловиче они считались в Москве тысячами. Сношения с европейскими государствами, начавшиеся тоже с Ивана III, познакомили высшие слои тогдашнего нашего общества с европейским бытом и нравами в самой Европе на местах. С Остзейским краем, принадлежавшим тогда Швеции, мы находились в непосредственном соседстве. Вследствие всего этого влияние Европы на высшие слои московского общества становилось в XVII веке заметным. Князю Хворостинину³ еще при Михаиле Федоровиче стало скучно в Москве, и он собирался бежать в Италию, а если можно, и дальше; дьяк Котошихин, оевропеившийся русский, бежал в Швецию. В книге профессора Соловьева собраны любопытные факты о влиянии европейских нравов и обычаев на лучших русских людей перед эпохой преобразования. Итак, путь к заимствованиям из Европы был уже проложен до Петра. Да и откуда же было нам заимствовать, как не оттуда? Византийская империя уже не существовала; из Польши нам мало что приходилось тогда занимать; притом же тамошние государственные порядки, приведшие ее к упадку, не представляли образца, достойного подражания: весь наш государственный и общественный строй был совершенно противоположен польскому, и к концу XVII века итоги сводились в нашу пользу, а не в пользу поляков. Только Европа с ее внутренним благоустройством и высокой культурой могла быть для нас предметом удивления и служить образцом, достойным подражания.

Итак, по состоянию московского государства в конце XVII века можно было предугадывать, что если ему только предстоит обновиться, то такое обновление может произойти разве вследствие внешних влияний, всего вероятнее из Европы; что влияние ее должно начаться с высших слоев и правительственных сфер, через которые и будет проникать в народ; что до низкой степени культуры в московском государстве, влияние на него Европы будет сперва, конечно, только наружное, вызовется практической потребностью лучших форм жизни и быта, и уже потом, впоследствии, пробудит к самостоятельной деятельности живые силы страны и народа.

Все это можно было предвидеть и предсказать заранее. Так и смотрели иностранцы не только в XVII, а даже еще в XVI веке. Но никто в мире не мог предвидеть и предсказать, что преобразователем будет прирожденный царь и что этот царь будет вдобавок необыкновенный, великий человек. Ходу и направлению

внутренней жизни России, намеченному всей нашей историей и развитием, он придал еще свой личный характер, наложил на них свою печать. Вот именно в этом, как нам кажется, и лежит источник глубоких недоразумений при всех суждениях о Петре Великом и эпохе преобразования. Не различая того, что определялось обстоятельствами, от личного действия Петра, мы, смотря по взгляду на вещи, или считаем его творцом и создателем России, как будто до него она вовсе не существовала, или, наоборот, видим в преобразовании горестный результат его гениального произвола, неестественный и горький плод его самовласти, не имеющий ничего общего с предыдущим ходом нашей внутренней жизни. В сущности, оба взгляда очень сходны между собою; ни тот, ни другой не признает никакого самостоятельного значения древней России; оба полагают всю силу, весь смысл и успех преобразования в одной личности Петра. Очень понятно, отчего это произошло. Петр Великий, как верно заметил г. Погодин, заслонил от нас своей огромной фигурой древнюю Россию. Новое направление русской жизни слилось в нашем представлении с именем Петра, как будто в нем воплотилось. Видя его везде на первом плане, неизмеримо выше всех сподвижников, главным орудием преобразования, душой нового дела, мы приписываем одной его личной деятельности то, что только в его лице выразилось ярко, выпукло, гениально. Когда новое направление проводится неограниченным государем и таким необыкновенным, каким был Петр, невольно забывается естественный ход вещей, который подготовил его подвиг и сделал событие неизбежным в той или другой форме. Все это очень понятная и естественная ошибка зрения, оптический обман; но нельзя на такой ошибке строить историческую теорию, которая спутывает все понятия и делает правильную оценку предыдущей истории решительно невозможно.

Петр Великий и его эпоха есть начало нашего героического века. Не прошло еще и двух столетий, а величавый, удивительный образ его стал уже облекаться в мифическое сказание. Не будь у нас под руками несомненных исторических свидетельств, нельзя было бы поверить, что перед нами живое лицо, а не сказочный богатырь. Даже достоверная повесть о его ранней молодости дышит легендой и мифом. Он готовится к своему подвигу, по меткому выражению профессора Соловьева, не в старой России, а подле нее, вне обычной тогда обстановки царственных детей, между потешными и в Немецкой слободе⁴. Обстоятельства его как будто нарочно для того вырастили вдали от двора, чтобы поставить в совершенную независимость от той среды и нравов,

которые он призван был преобразовать. Около него с юности составляется особая атмосфера, чуждая остальному. Грозный тоже уезжает на время из Москвы в Александровскую слободу⁵, но снова возвращается в центр старинной русской жизни; Петр с детства чужд Москве, хотя и находится в ней, а потом оставляет ее совсем, бывает в ней наездом, изредка, а живет в Петербурге, который сам построил на новом месте. Какая быль больше похожа на сказку?

Петр Великий с головы до ног — великорусская натура, великорусская душа. Удивительная живость, подвижность, сметливость; склад ума практический, без всякой тени мечтательности, резонерства, отвлеченности и фразы; находчивость в беде; рядом с тем неразборчивость в средствах, для достижения практических целей; безграничный разгул, отсутствие во всем меры — и в труде, и в страстях, и в печали. Кто не узнает в этих чертах близкую и родную нам природу великоросса? Но в каких громадных, ужасающих размерах она в нем высказалась! Несмотря ни на какие свидетельства, все как-то не верится и до сих пор, чтоб в самом деле мог жить на свете такой человек! Раз почувявши свое дело, свое призвание, — а до этого он дошел не через книгу или раздумье, а практикой, опытом — Петр отдался ему всей душой, всем помыслом, без колебаний и оглядки, на всю жизнь. Труженик, в благороднейшем смысле слова, он не знал усталости и только перед смертью догадался, «коль слабое творение есть человек». Невозможного для него не было; все казалось ему возможным, чего он хотел, а хотел он ни больше, ни меньше как пересоздать московское царство в европейскую монархию, с европейским государственным устройством, администрацией, науками, искусствами, промышленностью, ремеслами, торговлей, сухопутными и морскими силами, даже с европейской общественностью, нравами и формами, — и рассчитывал выполнение этого плана не на сотни лет, а на свой век, желал сам насладиться плодами своего «насаждения».

С этой стороны Петр Великий есть полнейший представитель своей эпохи и ее преобразовательных стремлений. Формы, в которых они осуществились, принадлежат безраздельно времени, в которое он жил; Петру принадлежит необычайная сила, энергия, с которой велось дело, страстность, если можно так выразиться, темперамент реформы.

О преобразованиях на заграничный лад думали и до Петра; кое-что уже было сделано в этом направлении; но никогда еще до него преобразование не было введено в принцип: никто до него не проникался так всецело идеалом европейского государ-

ства и быта; а те, которые проникались им, не выдерживали сравнения идеала с действительностью, не думали с нею бороться, чтоб переделать ее, а покидали страну. Петр внес этот идеал в русскую жизнь, вступил во имя его в борьбу с тогдашней действительностью. В этом смысле он довершил старое время и начал новое. Разрыв между стремлениями и действительностью был им доведен до последних пределов, но стремления получили цель, им придана сила и власть, цели подчинены жизнь и ее условия.

В отрицательном взгляде Петра Великого на старинный быт и нравы иные подозревают нелюбовь его к России. Но такой упрек относится к разряду тех странных, удивительных недоразумений, которыми преисполнены наши суждения об этой эпохе. Петр любил Россию по идеалу, который о ней составил, различал в ней ту, какую ее застал, от той, какую желал видеть, и старался приблизить ее к этому идеальному образу. Можно не одобрять его взгляда — это другой вопрос; но как подозревать его в нелюбви к России, когда он посвятил все свои силы, весь свой труд, всю свою жизнь на то, чтоб она стала, какой ей следовало быть по его убеждению? Нельзя работать неустанно, всю жизнь, без веры в дело, без любви к нему. Петр так трудился, потому что верил в способность русского народа преобразиться в идеальный образ, который перед ним носился. Прочтите гневные его письма к царевичу Алексею Петровичу. О чем вся забота? О том, чтоб сохранить «насаждение и уже некоторое и возвращенное» его «бедными и прочих истинных сынов российских равноревностных трудами». В чем главный упрек царевичу? В том, что царевич не помогает ему «в таких его несносных печалях и трудах». «Ты, — пишет Петр царевичу, — ненавидишь дел моих, которые я, для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю и, конечно, по мне разорителем оных будешь». Требуя от сына исправления, царь в первом письме грозит ему лишением наследства. «И не мни себе, — прибавляет Петр — что один ты у меня сын и что я сие только в устрастку пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя, непотребного, пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный». Во втором письме царь опять требует от сына, чтоб он изменился или пошел в монахи, «ибо без сего, — прибавляет он, — дух мой спокоен быть не может, а особливо, что ныне мало здоров стал». Во всем этом страшном, неслыханном деле Петр, сколько можно судить по тому, что мы теперь знаем, был, кажется, обманут. Тайная интрига, веденная очень

искусно, вооружила его против сына, который, по-видимому, не был умышленным врагом отца, а человеком неспособным и посредственным. Розыск и пытка не обнаружили заговора, а только недовольство. Если сведения, которые дошли до нас, полны, то мучительная смерть царевича Алексея лежит на душе Петра Великого. Однако чем можно было довести Петра до такой крайности? — только внушая ему мысль, что дело его попадет после его смерти в недостойные руки и погибнет. Из-за одной этой мысли Петр Великий забывает все, даже династические интересы, казнит сына и провозглашает начало, что царь имеет право назначить по себе преемника по духу, а не по плоти, не стесняясь потомством. Как государственное учреждение этот закон не выдерживает критики и не пережил Петра, но он вполне характеризует его личность и взгляд: все для дела, все для государства и России, все должно преклоняться перед ними, служить только им, а не лицу, не личным интересам. Сам он служил им наряду с другими. Оттого какая простота в жизни, в обращении, в переписке! Ошибки свои, — а кто не ошибается, — Петр признает даже в печатных указах, просит извинения в письмах. Дело прежде всего, а лицо — даже сам Петр — после.

Мысль о коренном преобразовании России по европейскому образцу созрела в Петре Великом, по-видимому, не вдруг, а постепенно. Как человек в высокой степени практический, Петр приведен был к тому наблюдениями, опытом и нуждой. К его времени мы уже вдвигались в круг европейских государств и принимали все большее участие в общих делах Европы. Сама сила вещей вынуждала нас облечься в европейские формы. Давнишняя наша потребность приобрести Остзейский край вовлекла нас в войну с Швецией, а это настоятельно потребовало преобразования войска по европейскому образцу и создания флота; эти реформы, в свою очередь, вызывали нововведения и перемены во внутреннем быте. Так, мало-помалу идеал европейской монархии слился у Петра Великого с мыслью о потребностях, нуждах и пользах России, которые стояли у него на первом плане. Полезное, по его мнению, вводилось, несмотря ни на какие препятствия. Что оно не нравилось, еще не доказывало, что оно нехорошо. Мало ли что, замечает он в одном указе, принималось по принуждению, за что потом благодарили и что уже принесло плод? Вот чем объясняется принудительный характер преобразования. Оно было по необходимости внешнее, вводилось со страстью, возведено в правительственную систему и излагалось не в назиданиях и книгах, а в законах и правительственных распоряжениях. Какой же могло оно иметь характер, кроме прину-

дительного? Как человек безгранично убежденный в своем деле и нетерпеливый, Петр действовал круто и жестоко. Одаренный страшной нравственной силой и энергией, он не понимал слабости, не допускал никаких уступок и сделок с обновляемой средой. Мысль о постепенности внутреннего развития, о переходных мерах была ему вовсе чужда, да и не по тогдашнему времени. С лишком полвека спустя после него, во Франции, точно так же мало заботились о постепенном переходе от старого к новому.

Учреждая в России новые порядки, Петр выписывал из-за границы иностранцев, давал им места в службе, водился с ними, ласкал их. Что могло быть естественнее? Они тогда лучше нас знали дело, и потому Петр употреблял их. Но отсюда упрек, будто бы он предпочитал иностранцев русским. Какие же на это доказательства? Никаких, ни малейших. Напротив, иностранцы жалуются на Петра Великого, что он их дурно рассчитывает, не исполняет заключенных с ними условий, старается при первом благовидном предлоге от них отделаться. Он вызывает из Европы фабрикантов, заводчиков, мастеров, и одно из первых с ними условий — обучить тому мастерству, фабричному или заводскому делу русских. За исполнением этого условия строго смотрел царь и не исполнявших удалял из России. В коллегиях и присутственных местах определялись чиновниками иностранцы и русские — в равном числе; первые должны были обучать последних европейским административным порядкам, и за то получали больше жалованья. Что не пристрастие именно к немцам или голландцам руководило в этом случае Петра, доказывается тем, что он старался с тою же целью вербовать в службу преимущественно «шрейберов цесарской службы», австрийских славян, знающих новое дело, а между тем говорящих на родных нам языках. На высших военных и административных постах, кроме Лефорта, не встречаем при Петре дни одного иностранца, — все до последнего русские. Зная иностранные языки, Петр писал и переписывался почти всегда по-русски.

Другой упрек Петру, и самый распространенный, заключается в том, что он будто бы нарушил предание, разорвал русскую историю и русскую жизнь на две, друг другу чуждые и даже враждебные половины; будто бы, благодаря Петру, мы утратили чувство народности и оттого блуждаем теперь, не зная откуда и куда идем.

Это обвинение относится, разумеется, к тому, что Петр Великий привил к нашей жизни идеал европейской монархии и быта. Но взгляды в дело поглубже, — не принадлежит ли и этот упрек к числу странных недоразумений?

Мы уже сказали, что стремление к Европе и практическая необходимость подражать ей, заимствовать от нее, появились в московском государстве задолго до Петра и заметно усилились перед началом преобразования. Значит, была уже в русской жизни склонность в эту сторону. Стало быть, Петр Великий не создал направления, за которое его обвиняют; он лишь его усилил, возвел в систему, не только он не нарушил традиции, а напротив, следовал преданию московских государей с Ивана III и особенно с Ивана Грозного.

Не должно также забывать следующего, очень важного, обстоятельства. Говоря, что Петр Великий насильственно привил русскому народу чужой идеал, мы, собственно говоря, сильно преувеличиваем. Не только огромное большинство народа осталось совершенно чуждым и враждебным этому идеалу, но даже в высших слоях русского общества очень, очень немногие пристали к нему с убеждением. Борьба между привитым чужим и своим началась, если хотите, даже до Петра; при нем она стала ярче, продолжалась и после него, продолжается даже и теперь, изменив только свои формы. Следовательно, никак нельзя утверждать, что Петр убил в нас чувство народности, лишил нас связи с прошедшим; он только внес, правильнее сказать, только усилил элемент брожения, а вместе с тем и развития в нашей односложной жизни. С его времени яснее выступила вперед внутренняя борьба, которая, в других формах, по другим поводам, происходит у всех народов, играющих роль в истории. Где нет такой борьбы, там нет жизни и развития. Она необходима, чтоб выяснить народное самосознание, вызвать к деятельности народные силы. Если у нас возникла теперь потребность отдать себе отчет в самих себе, понять себя, то это благодаря преобразованию, которое началось еще до Петра. Итак, дело реформы не было нарушением нормального хода нашей жизни, а напротив, естественным, необходимым ее продолжением.

Наконец, нас смущает внешний, принудительный характер петровской реформы, и из него мы выводим, что если б Петр не вздумал так круто и насильственно вносить в нашу жизнь чуждых элементов, то они бы вовсе в нее и не вошли. Но, во-первых, европейские элементы появились в России уже до Петра; а потом, — взглянем поближе, куда приведут нас подобные рассуждения. Если мы могли обойтись без европейской закваски, то, значит, в ней не было никакой надобности; стало быть, старинная русская жизнь имела уже в себе все необходимые условия и задатки для дальнейшего самостоятельного развития. Каким же чудом один человек, хотя бы и необыкновенный, гениальный,

мог, всего в каких-нибудь четверть века, сдвинуть целый русский народ с его прямого пути, отклонить его от естественного, самостоятельного развития на целые полтора столетия? Делая упрек Петру Великому, мы этим как будто хотим возвысить значение древней России, а на самом деле только вторим тем, которые называют Петра творцом новой, низводим старую Русь на степень исторического материала, до такой степени мягкого и несамобытного, что гениальный человек мог вылепить из него, что ему было угодно. Мы думаем, что для объяснения внешнего и насильственного характера петровской реформы нет никакой необходимости прибегать к предположениям, из которых совсем не то следует, что они должны доказать. Дело, как мы сказали выше, объясняется гораздо проще. В конце XVII века потребность преобразования сильно чувствовалась в России. По односложности нашей жизни и по степени нашего развития в XVII веке мы были способны только к внешнему, а не к внутреннему преобразованию; а всякое внешнее действие есть по необходимости принудительное, насильственное; более или менее, это уже зависит от обстоятельств, характера деятелей, времени и нравов народа и тому подобных условий. Петр, по своему личному характеру, провел реформу сильно, стремительно, жестоко и сурово. Не будем же терять из виду самого дела из-за его случайной обстановки.

Наконец, рассуждая о реформе и ее последствиях, мы опускаем из виду, что все образованное меньшинство русского общества бросилось в «прорубленное Петром Великим окно в Европу» и протеснялось туда наперерыв, неудержимо, с удивительной энергией, до нашего времени. Будь направление, данное Петром нашей жизни, неестественным, оно бы и кончилось с его смертью, тем более, что большинство современников смотрели подозрительно и враждебно на его нововведения, а ближайшие преемники его власти не имели ни его гения, ни его силы, ни его взглядов. И что же мы видим? Несмотря ни на что, образованное русское меньшинство с небывалым самоотречением бросается навстречу европейскому влиянию и идет по этому пути гораздо далее Петра Великого, до отступничества от всего родного, до забвения родины и самого языка. Неужели можно приписать такое течение мыслей, такое направление меньшинства русского общества в продолжение нескольких поколений одной подражательности, угодливости, суетности, легкомыслию или случайности, обратившейся потом в дурную привычку? Бесспорно, все это играло большую роль, точно так же, как и во всяком другом историческом явлении, рядом с хорошими участвуют и дурные

стороны человеческой природы. Но ведь мы знаем, что не одни льстецы и пустые люди шли у нас по этому пути. В сравнительно малочисленном строе русского общества, который безраздельно отдался европейскому влиянию, было много людей талантливых, умов глубоких и светлых, людей, горячо любивших родину, искренно искавших правды. Эти люди, отрешавшиеся от России нередко до забвения русского языка, честно, с убеждением, служили ей мечом и пером, честно умирали в битвах за ее независимость и достоинство. Таких людей было не мало, и мы их еще помним. Они доказывают своими делами и жизнью, что реформа на европейский лад при Петре не была случайностью или прихотью, а отвечала известной, живой потребности и потому не была нарушением естественного течения русской жизни. Нам теперь она кажется такою потому, что отжила свой век. Но прошедшего нельзя мерить настоящим. Всему есть свое время и своя мерка.

От этих общих соображений обратимся к ближайшим, осязательным, практическим. Возьмем внешние и внутренние вопросы, которые поднял и разрешил Петр, и посмотрим, отклонил ли он хоть один из них от его естественного, правильного течения, нарушил ли он в этом отношении традицию? Самое внимательное изучение коренных русских вопросов того времени докажет совершенно противное: мы увидим, что все они разрешены Петром Великим в том самом смысле и направлении, в каком ставились перед преобразованием. Приведем в подтверждение несколько примеров.

Говорят, Петр приложил последнюю печать к закреплению народа. Мы не знаем и даже не можем догадаться, на чем основан этот упрек? Не на том ли, что при нем Поместный и Холопий приказ слиты в один? Но проследите внимательно законы XVII века: к концу его поместные крестьяне стали такими же крепостными, как вотчинные: права владельцев на крестьян ничем не отличались в это время от прав на холопей. Но допустим, что Петр действительно сделал новый, окончательный шаг к слитию этих различных разрядов несвободных людей в один: разве можно сказать, что он разорвал предание? Подобная мера в то время, когда все было подведено под форму крепостного права, не может ни в каком случае назваться нововведением, противным духу старинных учреждений.

Находят, что смешение поместного права с вотчинным показывает грубое незнание нашего старинного юридического быта. Но мы хотели бы, чтоб нам показали, чем на исходе XVII века

поместья отличались от вотчин? Такого различия не существовало уже до Петра. Оно удерживалось только по имени.

Назовут, может быть, нововведением, противным духу старины, Табель о рангах, учреждение и устройство Сената? Но стоит только проследить историю местничества и постепенного упразднения его, начиная с Ивана III, чтобы убедиться, что замещение мест по годности к службе, а не по роду было задачей, к разрешению которой московские государи стремились постоянно. Петр и разрешил ее в этом смысле.

Преобразования Петра по духовному ведомству были довершением начатого при Иване III, и особенно при Иване IV, и последующих мер, принятых в течение XVII века. Сделанное Петром по этой части представляет весьма последовательное развитие задуманного задолго до него и оконченного его преемниками.

Как мы уже видели, не Петр стал впервые приглашать на службу иностранцев; задолго до него начали это делать московские государи, уже со времен Ивана III.

Первое начало регулярного войска положено Иваном IV в учреждении стрельцов. Сообразно с общим характером древней России они из войска обратились в общественный и вместе служебный разряд, жили семьями в особых слободах и торговали, отправляя военную службу как повинность, подобно казакам. Около них возникали новые виды регулярных войск, сперва иноземных, потом, по образцу их, и русских. Петр только преобразовал эти войска, заменив ими все бывшие дотоле различные их роды.

Называют нововведением татарским и ненавистным установление при Петре подушной подати; считают эту меру шагом назад, сравнительно со старинной, когда существовало посошное тягло, или подать, определявшаяся по количеству и качеству земли. Но послушайте, что говорят современники; посмотрите, на что народ жалуется беспрестанно и горько в течение XVII века: его тяготит именно раскладка повинностей по земле. Земли были обмерены Бог знает как. Вследствие тяжких податей люди, крестьяне и посадские, разбежались, а с оставшихся, часто очень немногим числом, правили, что следовало, на основании посошной раскладки. При таких обстоятельствах введение подушного налога было благодеянием, разрешением вопроса, поставленного стариной, и притом разрешением самым разумным в то время, когда не земля, а рабочая сила имела цену.

Коллегиальное устройство тоже не было нововведением. Зародыши его находим уже в устройстве приказов.

Судя по форме, установленный Петром, был не что иное, как организованный, определенный законом старинный суд судебных приказов. Жалобы на бесчисленные, вопиющие дела московских судов XVII века вызывали не коренное их преобразование, а более точное определение судебного порядка, причем по возможности предусмотрены и устранены важнейшие и обычные в то время злоупотребления. Не вина Петра, что после него — и мы до сих пор не знаем, когда именно и как — старинный словесный суд заменился письменным.

Важнейшее дело и забота всего царствования Петра — завоевание и упрочение за Россией балтийского побережья — было задумано не им, а задолго до него, еще Иваном Грозным.

Можно привести много других примеров в доказательство, что и во внешних, и внутренних делах Петр Великий продолжил начатое его предместниками, шел по пути, указанному всей нашей историей. Перерыва в ней никакого при нем не произошло; только все старинные, вековые задачи сошлись в это царствование как в один фокус и сильно двинуты к развязке; дело столетий сжато и втиснуто в какие-нибудь четверть века. Повторяем, нас вводит в заблуждение темперамент преобразования, оригинальная, своеобразная форма, приданная ей необыкновенной личностью Петра. Вот, как нам кажется, существенная и единственная причина всех наших недоразумений.

Говоря это, мы далеки от мысли оправдывать каждое действие Петра Великого, каждую принятую им меру. Во многом он, разумеется, ошибался; многое из того, что он ввел, оказалось несостоятельным еще при его жизни или после него; зато другое пережило века и стоит до сих пор твердо; многое из задуманного им еще не осуществилось; к иному, пришедшему в упадок и забытому, может быть, придется еще воротиться. Но дело вовсе не в том. Существенная сторона вопроса о Петре Великом и его эпохе заключается не в критическом разборе его планов и их выполнении, не в оценке практического достоинства его законов и распоряжений, а в определении места, занимаемого петровской реформой в нашем историческом развитии. Мы старались показать, что она есть органическое продолжение старины, вытекла из нее необходимо и естественно и представляется нам каким-то скачком потому только, что вводилась у нас одним из величайших деятелей истории, который своею необыкновенною личностью и делами затмил обыденный ход нашей исторической жизни. Восстановить потерянное в сознании преемство внутреннего нашего развития, указать органическую связь там, где теперь представляются как будто порванные концы исторической ни-

ти, — вот теперь главная, первая задача русской истории. Разрешить ее необходимо не только в видах удовлетворения исторической любознательности, а для того, чтоб внести сколько-нибудь света и порядка в нашу мысль, блуждающую в невероятном хаосе и тьме. Все наши недоразумения, если их разобрать хорошенько, сводятся — мы глубоко в этом убеждены — к тем, которые скопились около Петра Великого и его эпохи; а они, повторяем, произошли от смешения дела реформы с личностью Петра. Преобразование, по ходу древней русской жизни, было неизбежно, неотвратимо. Не явись Петр, оно приняло бы, вероятно, какие-нибудь другие формы, но все-таки рано или поздно непременно бы совершилось. Петр дал только преобразованию известный вид, форму, темперамент, определил ее ход на последующие времена.

Петр Великий принял титул императора и окружил царскую власть внешней обстановкой европейских монархий. Этим обозначалось окончательное вступление России в политическую и международную систему Европы. В общем ходе нашей истории и преобразования эти нововведения разумелись сами собой.

Гораздо важнее было новое значение, которое Петр Великий придал царской власти внутри государства. Мы заметили выше, что с Алексея Михайловича наше внутреннее развитие, отклоненное от своего естественного хода приливом польско-литовских элементов, снова восстановилось. С тех пор царская власть является вполне такой же, какой была при Иване Грозном и Годунове и какая сложилась в представлениях великорусского народа. Петр Великий только возводит ее в государственный принцип, в идею, освобождает от исторически сложившихся и уже обветшавших форм, которые напоминали давно отжитый в государственной сфере тип домонархика. Принцип этот он проводит по всем ступеням государственной иерархии.

Некоторые считают Петра Великого основателем самодержавной власти в России. Но это ошибка. Самодержавие родилось с Великороссией. Андрей Боголюбский⁶ был такой же самодержец, как Всеволод Большое Гнездо⁷, как московские великие князья и цари до смутной эпохи. В этом отношении, как и всегда, ошибка происходит от того, что дело не различается от лица, у которого оно в руках, которое его представляет и ведет. Петр Великий выражает начало старинной царской власти гораздо резче, определеннее и сознательнее, чем все его предшественники (исключая, впрочем, Ивана Грозного), потому только, что он не только царь, но и преобразователь, что в его лице выразилась и сосредоточилась реформа, что он был ее двигате-

лем и орудием. Борьба необходимо определяет точным образом принципы, приводит к ясному их сознанию. Иван III высказывает новгородцам определительно и точно, чего требует от них московский великий князь, в чем сущность его власти; Василий Иванович — псковичам; царь Иван Васильевич Грозный формулирует свою власть в борьбе с литовско-польской олигархией; точно так же и Петр Великий в борьбе со старинными государственными и общественными порядками в России, которые начал преобразовывать, только выражает с совершенной определенностью существо царской власти, которая испокон века принадлежала русским государям.

Но, не создавая самодержавия, Петр придал ему свою деятельность, своей личностью, своей жизнью новый характер и в этом смысле определил весь последующий ход нашей истории. Преобразование, как мы сказали выше, возведено им в правительственную систему и вошло с его времени в число атрибутов верховной власти, вполне согласно с глубочайшими инстинктами русского народа. Служа государству и государственным пользам преданнее, неумолимее, бескорыстнее, вернее последнего из своих подданных, Петр своими «несносными печальями» и великими делами вписал навеки в наш государственный устав, что власть есть труд, подвиг, служба России, прежде всех и больше всех. Это был его завет и благословение потомству, пережившие его армии и флоты, его «виктории» и учреждения, его слабости и ошибки. Оттого после Петра менялись правительственные системы, направления, взгляды, темпераменты, а власть осталась непоколебимой через весь последующий, тяжелый период нашей истории. Преобразование и служение русскому государству и русскому народу осталось ее знаменем и до наших дней, когда, по-видимому, довершается дело Петра, прикладывается последний камень к его зданию и начинается новый период нашего исторического существования.

Что Петр своим лицом и своей жизнью укрепил царскую власть, начавшую перед ним колебаться, поднял ее и придал высокое нравственное и народное значение, — в этом его величайшая, бессмертная заслуга перед Россией. Наступала пора глубокого внутреннего перерождения, когда сильная центральная власть есть для народа вопрос существования. Ей предстояло у нас не только представлять с достоинством Россию при внутренних смутах, при борьбе враждебных друг другу направлений, при олигархических стремлениях, при революционных движениях в Европе, подымавших против нас внешние бури, — но, что было несравненно труднее, ей по целому ходу нашей исто-

рии выпадала на долю крайне трудная задача — продолжать в то же самое время начатое Петром Великим дело внутреннего нашего преобразования.

Первый период нашей истории мы понимаем, если можно, еще менее, чем отношение Петра Великого и его эпохи к древней России. Европейские формы, в которые снаружи облеклась наша жизнь, спутывают все наши мысли и заслоняют от нас действительность; а она между тем идет своим чередом, решая одну за другой задачи, поставленные всей нашей историей и которых истинного смысла мы не умеем себе объяснить.

Реформа Петра была, как мы видели, внешняя. Он переменил одни лишь наружные формы нашего внутреннего быта и заменил их иностранными, что, разумеется, не могло переродить нас в европейцев. Эти реформы были только новым условием нашей жизни, под влиянием которого она стала исподволь развиваться далее.

Ход этого развития представляет высокий, животрепещущий интерес. На поверхности русского общества замечается после Петра полная безурядица: тысячи стремлений и направлений, проникнутых европейскими задачами и интересами, страхами и надеждами и не имеющих прямой связи ни с народной жизнью, ни между собой. Рядом с ними и в пестром с ними смешении живут старинные взгляды, понятия, привычки и предрассудки, плод вековой жизни и опытов. Те и другие борются между собой, но часто уживаются мирно в одном лице. Хаос совершенный, приводящий в отчаяние, в котором ничего нельзя разобрать.

А между тем под этой разнохарактерной оболочкой совершается дело истории, медленно, в правильной постепенности. Старинных разрядов, служебных и общественных, Петр едва коснулся и завещал их новому времени. Никакой внутренней организации он не мог им дать, потому что она не дается, а вырабатывается самой жизнью. На почве «чинов», в старинном смысле слова, и крепостного права, исключавших всякую тень органической общественной жизни, нельзя было основать ничего прочного. Всякие попытки придать правильный строй нашей общественности при такой почве не могли вести ни к чему. Петр менял несколько раз учреждение городов и провинций, — и все понапрасну. Те же заботы продолжают и после него, при его преемниках, и тоже не приводят ни к каким существенным, положительным результатам.

